

Загладин Н.В.

Начать хотелось бы с известного факта, что распада СССР никто в международном сообществе не ожидал, в том числе и среди американских аналитиков. Поэтому, естественно, никаких долгосрочных стратегических планов – как действовать в случае распада – разработано не было. Непосредственно после этого печального для многих событий родились два основных прогноза. Один можно назвать оптимистическим, другой – пессимистическим.

Оптимистический прогноз исходил из того, что закончилось время биполярной конфронтации, биполярного противостояния. Оно, хотя и обеспечивало определенную упорядоченность в системе международных отношений на протяжении нескольких десятилетий после завершения Второй мировой войны, все же было чревато риском ядерной конfrontации из-за периодически возникавших обострений отношений между двумя ведущими державами мира – СССР и США – или каких-то случайных недоразумений между ними и т.д.

В этом плане оптимистический прогноз строился на ожидании того, что теперь мировое лидерство переходит к демократическим странам, которые, как известно, не воюют друг против друга, что Россия тоже вписывается в это сообщество демократических стран. Миропорядок будет основан на их тесном взаимодействии, уважении норм международного права и на их стремлении совместными усилиями решать те глобальные проблемы, которые стоят перед человечеством.

Такие ожидания и такой оптимизм непосредственно после распада СССР в определенных кругах, в том числе и в нашей стране, присутствовал.

Другой, альармистский, прогноз заключался в том, что мир попадает в полосу однополярного лидерства Соединенных Штатов Америки. И здесь, естественно, вспоминался и американский империализм, и выдвигались опасения, что мир, управляемый Соединенными Штатами, едва ли будет особым прочным и стабильным.

Но реальность оказалась, по-моему, намного хуже (хотя, может быть, участники дискуссии с этим не соглашаются) самых скверных прогнозов. Дело в том, что Соединенные Штаты действовали, исходя из того, что они являются победителем в «холодной войне». Считали, что задача № 1, которая перед ними стоит, – это укрепить американское мировое лидерство. И задача № 2 – это начать принимать на себя все большее бремя ответственности за глобальную стабильность, за интересы американской и на втором плане – международной безопасности.

Первое направление действий обеспечивалось за счет экономических и военно-политических решений. Экономический уровень предусматривал экспансию США в сферу интересов американских союзников, за счет односторонних таможенных войн, которые США вели против них. В военно-политическом – за счет расширения системы блоков, которую США, как они считали, достаточно надежно контролируют, особенно НАТО.

И первое и второе направления действий вызывали недовольство у большинства стран мира, желание отстаивать свои интересы.

Другой вопрос, что какой-либо единой антиамериканской коалиции, в условиях, когда даже у ближайших союзников США многие их действия вызывали недовольство, сложиться не могло. Слишком различными были интересы ведущих участников международного сообщества, их позиции оказались ущемлены в неоднаковой степени.

Максимум, что можно было констатировать: европейские страны иначе напоминали о своих интересах и своей специфической точке зрения по отдельным вопросам; Китай постепенно дистанцировался от остального международного сообщества и активно развивался собственным путем, стараясь ни с кем явно не конфликтовать; Россия, особенно после 2000 года, когда стали укрепляться ее позиции, начала более уверенно отстаивать свой взгляд на происходящие на международной арене события.

Всё это не вызывало особых сложностей. Можно считать, что в Вашингтоне очень неплохо просчитали свою стратегию, поскольку единого антиамериканского фронта не сложилось, и лидерство США, в общем-то, ведущие страны мира более или менее (многих – менее, чем более) устраивало.

Но здесь возник достаточно сложный юрисдикционный вопрос. Дело в том, что Соединенные Штаты начали действовать в одностороннем порядке. Достаточно вспомнить их действия в Югославии, потом операцию, проведенную против Ирака вопреки Уставу ООН и вопреки мнению многих государств мира. По сути дела, США расшатали основы международно-правовой системы, которая худо-бедно обеспечивала международную стабильность. И что может быть еще хуже – Соединенные Штаты умудрились продемонстрировать миру свою слабость, а именно неспособность выступать в роли мирового лидера №1. Они взяли на себя задачи, решение которых им просто не по плечу.

Достаточно посмотреть на нерешенную ситуацию с Косово, на возрастающий хаос в Ираке и в Афганистане. Везде, куда приходили американцы и их союзники, ситуация ухудшалась, а не улучшалась.

И здесь уже возникает следующий уровень проблем или угроз. Многие ученые называли складывающуюся ситуацию новым мировым беспорядком, в частности, Ж. Аттали об этом писал еще в конце прошлого века. В 2000 году у меня была об этом статья в журнале МЭИМО. С. Хантингтон – достаточно серьезный аналитик – говорил о том, что в мире складывалась непонятная ситуация: то ли однополярная многополярность то ли многополярная одно-полярность. То есть не получилось ни многополярности, ни однополярности, а возникла хаотическая ситуация.

Что из этого следует? В условиях ослабления международных институтов, падения влияния норм международного права и неспособности США проецировать свою силу на многие районы мира, начинается подъем региональных сверхдержав. Они вполне закономерно используют возникающий вакuum для усиления своего влияния.

К этим региональным супердержавам я отношу в первую очередь Иран, Венесуэлу, Бразилию в какой-то мере Южную Африку и ряд других государств. Они используют для упрочения своих позиций свою экономическую мощь и нефтяной фактор. Они пытаются создать себе дополнительные гарантии обеспечения безопасности, в том числе и за счет создания оружия массового поражения (ОМП). В итоге нарушается система предотвращения его распространения, и, более того, возникает весьма серьезный риск того, что оно окажется в руках международных террористов. Последствия этого могут быть крайне неблагоприятными.

Все системы сдерживания агрессора от нападения основывались на не-отвратимости возмездия. Но возмездие может быть направлено только против определенной страны, ее территории, военных объектов, городов и населения. У такой сетевой структуры, как современный международный терроризъм, нет ни городов, ни территорий, ни населения. Их военные объекты – как показала операция США в Афганистане в принципе, могут быть выявлены и уничтожены – но, скорее всего, их базовые структуры и лидеры просто заблаговременно эвакуируют в другие страны, создав видимость уничтожения.

Как утверждается и, вероятно, обосновано, ядерное оружие ведущих держав достаточно надежно хранится и использовать его, получить коды доступа к нему практически невозможно. Ни российский, ни американский, ни китайский arsenals не могут попасть в руки террористов. Но трудно сказать, как обстоят дела с оружием Пакистана, Индии, Северной Кореи, а в будущем, возможно, Ирана и других государств. Поскольку системы защиты от террористов или от несанкционированного захвата и использования очень дорогостоящи, то едва ли эти страны, которые явно стараются экономить и создавать дешевые бомбы, могут гарантированно обеспечить сохранность своего ОМП.

Фактически, человечество оказывается в геостратегическом тупике в ситуации, когда все системы «сдерживания» утрачивают функциональность. У террористов наверняка существует стимул реально применять ОМП, если оно окажется в их руках. Между прочим, в организацию «Международный фронт борьбы против Америки и Иудеев», как ее называют в исламском мире, входит группа ученых-ядерщиков из Пакистана. И в эту же структуру входит знаменитая «Аль-Каэда».

Так что фактически у международного терроризма уже есть и интеллектуальный, и очевидно, материальный потенциал для разработки ядерного оружия, радиологического оружия, или иных средств массового уничтожения.

Выход отсюда следует весьма неприятный. В условиях глобализации, открытия большинства стран мира, установить жесткий контроль над каждым гражданином, который может быть потенциально опасен или связан с международным терроризмом в общем-то, пока невозможно. Единственный выход, который намечается, – это создание системы глобальной слежки, глобального контроля, многократное расширение полномочий полицейских служб, внедрение своего рода электронного тоталитаризма. По сути дела, это приведет к тому, что ведущие страны мира окажутся вынуждены во имя предотвращения террористических актов на своей территории с использованием ОМП, пойти если не на полный откат от демократии, то на очень существенное ее свертывание.

Альтернатива в виде создания некоей системы коллективной безопасности, о которой здесь упоминалось, не представляется мне на данном этапе развития мирового сообщества достаточно реалистичной. Мы знаем, что Китай предпочитает не принимать на себя жестких обязательств. Соединенные Штаты, пока еще нынешний президент у власти, тоже не собираются отказываться, на мой взгляд, достаточно амбициозной политики. Что будет дальше – сказать трудно.

Да и у России, наверное, не так уж много оснований рассчитывать на то, что ее интересы безопасности будут учтываться в полном объеме, особенно исходя из того, что очень многие страны Запада рассматривают конфликтную ситуацию на Северном Кавказе не как проявление международного терроризма, а как подавление воли народов к свободе. Хотя конечно, грани здесь провести очень трудно.

Иначе говоря, слишком много разногласий, чтобы серьезно рассчитывать на какие-то коллективные согласованные действия. Это уже очень на-глядно показали проблемы, возникшие у постоянных членов Совета Безопасности ООН по поводу выработки единой позиции в отношении Ирана, хотя, на первый взгляд, ситуация кажется вполне понятной. Однако, желания идти на компромиссы – даже минимальные – друг с другом члены Совбеза долгое время не проявляли. К чему приводят попытки создать систему коллективной безопасности странами, которые не доверяют друг другу и мало считаются с интересами партнеров, наглядно показала предыстория второй мировой войны. Возникает иллюзия, что безопасность легко, может быть обеспечена. А это порождает беззаботность в отношении возникающих эвентуальных угроз. Внезапное превращение эвентуальной угрозы в реальную, может застать участников созданной чисто формально системы безопасности врасплох, заставить их действовать по принципу – «спасайся, кто как может» – что естественно развязывает руки агрессору.

Сотрудничество в борьбе с международным терроризмом, конечно, возможно на уровне отдельных частных акций, согласованных мероприятий, поиска отдельных лидеров террористов и совместных операций. Но ожидать, что будет создана какая-то глобальная система, решающая ту ситуацию геополитического и геостратегического кризиса, перед лицом которой оказался современный мир, пока что очень трудно.

Так что позитивных прогнозов я не делаю. Скорее, в ближайшие годы возможно ухудшение ситуации. Вероятно, ведущим странам мира предстоит пережить новые катаклизмы – даже более масштабные, чем события 11 сентября 2001 г. – чтобы прийти к пониманию необходимости единых действий во имя защиты цивилизации. Спасибо за внимание.